

А. С. Майорова

КРЕСТЬЯНЕ-УКРАИНЦЫ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Институт истории и международных отношений,
Саратов, Россия*

Аннотация. В статье представлены особенности этнической культуры украинцев, которые входили в состав населения Саратовской губернии. Сведения по этому вопросу встречаются в трудах саратовских краеведов. Они стремились показать отличия украинцев от русских в быту, ведении хозяйства и в национальном характере. Но помимо отличий, они зафиксировали и сходные черты в культуре этих народов. Процессу сближения способствовали единая религия и общие корни национальных языков.

Ключевые слова: поселения украинцев, солевозный промысел, хозяйственные занятия, интерьер жилища, религиозные обряды, язык, одежда

A. S. Maiorova

UKRAINIAN PEASANTS IN SARATOV PROVINCE IN THE 19TH CENTURY

Saratov State University, Institute of History and International Relations, Saratov, Russia

Abstract. The article presents the ethnic culture features of the Ukrainians who were part of the Saratov province population. Information on this issue can be found in the works of Saratov local historians. They sought to show the differences between Ukrainians and Russians in everyday life, in housekeeping and national character. However, in addition to differences, they also recorded similar features in the culture of these nations. The convergence process was facilitated by a single religion and the common roots of national languages.

Keywords: settlements of Ukrainians, salt transportation, economic activities, home interior, religious rites, language, clothing

Значение этнических украинцев в процессе заселения и освоения территории Саратовской губернии в региональной историографии учитывалось не всеми авторами. В то время как роль мордовского, чувашского народов, татар, калмыков, переселенцев из Европы в жизни Саратовского края в XVIII в. обычно находит освещение в исследованиях, – об украинцах пишут не всегда. А между тем, уже с первых десятилетий XVIII в. в Саратовское Поволжье началось переселение малороссиян. Украинцы активно участвовали в защите юго-восточных рубежей страны и в хозяйственной жизни Нижнего Поволжья. Они продолжали пополнять состав его населения и в последующие столетия, что способствовало возрастанию значения нашего региона в экономике России.

Интересно то, что и в XXI в., при наличии значительного фактического материала о расселении украинцев, их хозяйственной деятельности, участии в социально-политической жизни Нижнего Поволжья и особенностях их культуры, эти вопросы не всегда находят отражение в трудах исследователей. Так, в коллективной монографии «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период» отсутствует упоминание об украинском этносе в регионе [1].

При этом, одновременно с названными «Очерками» была опубликована монография Е.К. Максимова и С.А. Мезина «Города Саратовского Поволжья петровского времени», в которой подробно освещены события, связанные с изданием правительственного указа о строительстве новых укрепленных пунктов в районе Царицынской линии и о заселении их «черкасами» [2, с. 177].

Автор одного из первых исследований по истории Саратовского края А.Ф. Леопольдов сообщает сведения о создании Царицынской линии укреплений, но не упоминает о поселении на ней украинцев [3, с. 70]. В третьей главе этого сочинения он пишет о крещении мордвы, чувашей, калмыков в XVIII в, о создании поселений выходцев из Европы, однако о малороссиянах здесь нет речи [3, с. 51-91]. Возможно, такое отношение Леопольдова к вопросу об участии украинского компонента в заселении Саратовской губернии, объясняется его приверженностью к постулатам государственной идеологии, которая получила оформление в теории официальной народности. Высокопоставленные чиновники Российской империи не считали украинцев народом, обладающим собственным языком и культурой. Такой взгляд на украинский этнос присутствовал и у целого ряда ученых-историков. Н.Ф. Хованский в своих «Очерках истории г. Саратова и Саратовской губернии», опубликованных в 1884 г., не упоминает о малороссиянах [4].

Н.И. Костомаров, автор «Очерка истории Саратовского края», опубликованного через десять лет после сочинения Леопольдова, придерживался иного взгляда на украинский народ. Он уделял пристальное внимание сведениям об участии украинцев в заселении Нижнего Поволжья и в хозяйственной жизни региона. Костомаров рассмотрел законодательные акты, которые дают материал для изучения вопроса об украинском компоненте в процессе заселения территории Саратовской губернии. О сооружении укрепленной линии от Царицына к Паншину (1718–1720 гг.), он писал: «Эту линию велено заселить малороссиянами, а великороссиян не принимать. Это было первое поселение малороссийского народа в Саратовском крае, столь впоследствии умножившееся» [5, с. 17].

Освещая вопрос о поселении в 1733 г. в Дубовке и на реке Балыклее тысячи с лишним семей казаков для более эффективной защиты рубежей России, Костомаров подчеркивает, что только половину из них составляли переселенцы с Дона, а остальные были выходцами из Великороссии и Малороссии [5, с. 19]. Подробно останавливается Костомаров и на фактах, связанных с появлением в Саратовском Поволжье украинцев–солевозчиков

после учреждения в Саратове соляного комиссарства (он называет дату – 1749 г.) [5, с. 21-22].

Он обратил внимание на то, что Павел I в 1797 г. освободил от всех податей и повинностей жителей малороссийских слобод на луговой стороне Волги, приписанных к солевозцам, а годом позже это право было предоставлено жителям малороссийских слобод в Вольском и Балашовском уездах – Самойловки, Петровки и Порубежной [5, с. 41].

В трудах саратовских историков, созданных в XX в., продолжено изучение вопроса о роли украинцев в освоении территории Саратовского Поволжья и в развитии его экономики. А.А. Герасимов подробно рассмотрел мероприятия по созданию в Саратове соляного комиссарства, и в связи с этим – об украинцах-солевозчиках [6]. В монографии «История Саратовского края в XVI–XVIII вв.» он указывает на документы, связанные с поселением в укрепленных пунктах на реках Иловле, Дубовке и Пичугах выходцев с Украины после 1721 г., и на неоднократные подтверждения правительством принципа заселения Царицынской линии малороссиянами [7, с. 324-329].

Продолжением традиции, заложенной Костомаровым и Герасимовым, является пристальное внимание местных историков к организации солевозного промысла и выяснению его значения в хозяйственной жизни Саратовского Поволжья. Появился и новый аспект в изучении истории украинского населения на его территории – участие жителей Покровской слободы и чумаков в восстании под предводительством Пугачева. Данная тематика присутствует в учебном пособии В.А. Осипов [8, с. 19-23, 60]. Подобный подход к изучению социально-экономических и социально-политических последствий поселения украинцев на территории Саратовского Поволжья отражен и в 1 томе коллективной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья» [1, с. 93-94].

Изучение проблемы участия украинцев в формировании состава населения региона и в развитии его экономики вызывает необходимость рассмотрения таких ее аспектов, как вклад этого народа в формирование общественно-культурной среды в Саратовской губернии и сохранение украинцами особенностей своей этнической культуры, хозяйственной и семейной жизни. Ответ на эти вопросы дают описания этнографического характера, составленные во второй половине XIX в. саратовскими исследователями.

Первой публикацией по данной теме можно считать очерк саратовского журналиста И.П. Горизонтова «Слобода Самойловка (Три Острова тож)», помещенный в Памятной книжке Саратовской губернии за 1872 г. [9]. Слобода Самойловка относилась к Балашовскому уезду. В своем очерке Горизонтов стремился к обобщениям, о чем он пишет в конце этой работы. Представленные им описания внешнего вида и внутреннего устройства домов (хат) местных жителей, некоторых особенностей их быта, вероятно, основаны на материале не одного, а нескольких украинских поселений.

В самом начале описания слободы Горизонтов замечает, что «общий вид и частная манера построек русского села далеко уступает характеру хохлацкой слободы, физиономия которой гораздо опрятнее, чище и поэтичнее» [9, с. 35]. Он пишет об «особенной склонности» украинцев к разведению садов. Если у хозяев усадьбы нет «огородного места», то они устраивают «миниатюрные палисадники» на улице, но чаще всего – на дворе перед окнами дома. Что касается садов, то по описанию Горизонтова нельзя понять, разводили малороссияне в своих слободах плодовые деревья, или это было тогда редкостью, или вообще было недоступно для крестьян. Автор очерка пишет: «По отсутствию садовых деревьев садятся лесные породы крушины и особенно раскидистого вяза, на огородах высятся хрупкие вербы... и пахучая черемуха». Все это придает украинской слободе живописный облик: «...Общий вид хохлацких слобод представляет из себя огромный сад, в зелени которого тонут беспорядочно разбросанные хаты». После такого привлекательного описания, Горизонтов останавливает воображение своего читателя: «...В действительности картина эта далеко не всегда блещет так ярко и свежо», и оправдывается тем, что он не стремился дать «частный очерк какого-нибудь малорусского поселения» [9, с. 37]. Возможно, слобода Самойловка не могла претендовать на сходство с нарисованной Горизонтовым картиной.

Интересно составленное им описание внутреннего вида жилища украинцев и стараний хозяев, а особенно – хозяек поддерживать в нем чистоту и порядок. Горизонтов пишет о «чистоте и опрятности, каким отличаются вообще малороссы». Перед великими праздниками, особенно перед престольным днем «всякая малорусская слобода чистится и моется». Поэтому каждая слобода «блещет в ясный солнечный день яркою белизною своих обкрашенных мелом хаток, окна которых подведены сурью, по красному фону которой разбегаются точки и полосы белой, черной и даже голубой краски» [9, с. 36].

Внутренний вид хаты «вполне гармонирует» с внешней чистотой. «Печка испещрена затейливыми “вавилонами”, стены убраны развешенными по гвоздям полотенцами самой фантастической разшивки». Особые черты присутствовали в убранстве переднего угла украинской хаты, которое заметно отличалось от красного угла в русской избе. Почти в каждом доме украинцев, по словам Горизонтова, можно было видеть чтимые ими иконы – Божьей Матери, Спасителя и Иоанна Крестителя – автор подчеркивает, что это «тройственное изображение». В «святом» углу хаты «стены обтянуты пестрыми обоями, сверху потолка ниспускаются тонкие нити, на которых тихо колеблются искусно сделанные из хлеба голубки, яблочки, яйца и пр[очие] фигуры из мира растений и животных, но только тех, которые народное сознание считает чистыми и непорочными». За иконами помещались пучки «священной вербы входного воскресения» (Вербного воскресенья, когда празднуется Вход в Иерусалим), красной калины и душистых трав – гвоздики, ноготков, любистка [9, с. 36]. Горизонтов особенно подчеркивает роль

женщин в поддержании чистоты и эстетической привлекательности украинской хаты.

У него нет описания особенностей ведения хозяйства в украинской слободе, традиций и обычаев народа. Сведения такого характера встречаем в работе самого авторитетного саратовского регионоведа второй половины XIX в. А.Н. Минха «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края».

Начало работы над этой монографией, судя по замечаниям автора, относятся ко времени после 1882 г. Ее рукопись (автограф) сохранилась в фонде Саратовской ученой архивной комиссии [10, л. 86–140об.]. Часть монографии была опубликована в 1885 г. в «Саратовских губернских ведомостях» – об этом в рукописи имеется помета автора: с указанием номеров газеты, в которых она была помещена [10, л. 102]. В настоящее время в Саратове нет ни одного номера «Губернских ведомостей» за этот год, поэтому о содержании данной работы Минха мы можем судить только по рукописи.

В монографии Минха можно найти интересные сведения о времени появления переселенцев с Украины и обстоятельствах, при которых происходило переселение, а также об особенностях ведения хозяйства украинскими крестьянами в середине XIX в., их быте, обычаях и даже о национальном характере. Этнографические данные он почерпнул из описания Широкоуступского церковного прихода, который находился в Аткарском уезде, составленного священником Павлом Оргийским в духе статистических описаний первой половины XIX в. В описании прихода много внимания уделено малороссиянам, которые проживали в слободе Широкий Уступ наряду с русскими крестьянами, причем, украинцев в слободе было в два с лишним раза больше, чем русских [10, л. 118об.]. Рукопись Павла Оргийского была составлена в 1857 г. [10, л. 118].

Минх дополнил материал описания Оргийского некоторыми найденными им сведениями и собственными замечаниями. Он сообщает, что слобода Широкий Уступ была основана после 1788 г. крестьянами из слободы Романовки, население которой и в XVIII в., и в XIX в. составляли украинцы [10, л. 120]. Обе слободы первоначально находились во владениях графа А.Р. Воронцова. Сведения этнографического характера об украинцах Минх впоследствии частично включил в свою книгу «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии», изданную в Петербурге в 1890 г.

Русские и украинцы в Широком Уступе, по сведениям Оргийского, жили раздельно и поля их располагались также в разных местах [10, л. 123]. И русские, и украинцы строили свои жилища из одного материала – чернолесья (лиственные породы деревьев). Однако хаты отличались от русских изб – печи в них обязательно имели трубы «и черной топки нет, как у русских» [10, л. 124об.]. (Возможности отопления дровами в этой местности не было, крестьяне отапливали свои жилища кизяками) [10, л. 112]. Внутри украинских хат всегда было светлее, чем в избах, потому что даже в небольшом жилище украинцев

было по три – четыре окна. Описание внешнего вида хат у Оргийского сходно с тем, что встречается у Горизонтова. Он пишет: «Каждый год к Троицыну дню все без изъятия хаты хохлушки обмазывают снаружи и внутри глиною, белят и расписывают какой-нибудь яркой краской окна, солома на их крышах подрезана всегда аккуратно» [10, л. 124об.].

Землю жители слободы обрабатывали одним и тем же орудием, плугом, но украинцы пахали на волах, а русские – на лошадях, при этом были и некоторые исключения [10, л. 122, 123]. Основной культурой, которую выращивали в Широком Уступе все крестьяне, была пшеница, Оргийский отмечает, что возделывались и другие зерновые. Оброки жители слободы уплачивали «через продажу хлеба». Кроме этого, крестьяне ходили на заработки. Здесь существовала разница – русские нанимались на земледельческие работы, а малороссияне отправлялись «чумаковать» на своих волах, что автор описания считал прибыльным делом [10, л. 123об.].

Зимой и русские, и украинцы занимались молотьбой хлеба; в одно и то же время они заготавливали кизяки для отопления изб, что производили после посева яровых хлебов. Работа по заготовке кизяков была у крестьян делом всей семьи – и мужчин, и женщин, и детей с восьмилетнего возраста. Оргийский специально отметил, что малороссияне, а особенно – малороссиянки «ходят даже в другие деревни наниматься на эту работу, так как против русских у них более сноровки», причем, получают за эту работу «порядочные деньги» [10, л. 123об.]. Понятно, что русские крестьяне не имели «сноровки» в заготовке такого топлива, ведь они переселялись в Нижнее Поволжье из лесистых местностей, где печи топили дровами. Украинцы пришли в этот регион из степей, в их родных местах использовались кизяки, потому заготавливать такое топливо было для украинских крестьян делом привычным.

Интересны замечания автора описания о разнице, которую он наблюдал в хозяйственных занятиях женщин в семьях русских и украинцев. И у тех, и у других женщины летом ходили на заработки, нанимаясь на заготовки сена и на жатву. «Но это делают более русские», – пишет он. Зимой все крестьянки занимались прядением поскони, льна и шерсти, а весной – тканьем холстов, пестряди и т.п. для своего хозяйства. Оргийский замечает, что в прядении и ткачестве больше преуспевают русские крестьянки [10, л. 123об.-124].

Описание Оргийского показывает, что общие черты ведения хозяйства в Широком Уступе у русских и украинских крестьян были связаны с особенностями природной среды и их социального положения (и те, и другие находились в крепостной зависимости). При этом различия в формах отхожих промыслов были следствием первоначальной специализации украинцев на перевозке соли, что, собственно, и привело их в свое время в Нижнее Поволжье. Наличие волов в хозяйствах крестьян определяло особенности использования тягловой силы животных при вспашке земли. И русским, и украинцам, в равной мере приходилось приспосабливаться к природным условиям Нижнего Поволжья.

Оргийский старательно фиксировал особенности ведения домашнего хозяйства и быта украинцев. Его внимание, так же, как и внимание Горизонтова, привлекала чистота их жилища: «Отличительная черта малороссиян от русских – опрятность и лучшая обстановка жилья. Хата всегда красивей, чище и теплее, чем изба» [10, л. 124об.]. Украинские женщины-хозяйки соблюдали свои национальные традиции в содержании жилища, а также в приготовлении пищи. Священник из Широкого Уступа сообщает: «Любимые блюда хохла – свиное соленое сало, вареники, галушки и непременно пшеничный хлеб». Конечно, на страницах его описания упоминается и борщ, который варят из заквашенной на зиму свеклы, эти заготовки он называет бураками. (В украинском языке слово буряк означает свеклу). Традиция выпечки бубликов тоже процветала в слободе. Их пекли малороссиянки, девушки и женщины и в праздничные дни продавали около церковной ограды. Интересно, что Оргийский для своих читателей сделал пояснения непонятных слов, борщ он перевел как щи, а бублики – как крендели [10, л. 125].

Оргийский с похвалой отозвался об усердии к церкви всех своих прихожан, о соблюдении ими религиозных правил и постов, почитании праздников, что он полагал характерным как для русских, так и для украинцев [10, л. 124]. При этом он отметил, что в праздновании Пасхи малороссияне придерживались некоторых своих старинных обычаев. Оргийский пишет, что они приносят в церковь для освящения, помимо «кулича и сыра», «всю свою провизию, или уже непременно поросенка и свиное сало» [10, л. 123об.]. В традиционных обрядах у них также наблюдались особые черты. Оргийский подробно описал украинскую свадьбу, которая во многом отличалась от аналогичного обряда у русских [10, л. 125-126об.].

Большой интерес представляют замечания Оргийского о национальном характере украинцев. Он пишет: «Народ в приходе хороший, тихий и послушный, но надо заметить, что малороссияне отличаются от русских более вольным духом, смелостью и настойчивостью, что заметно и в их женщинах» [10, л. 124].

Сведения из описания Оргийского дают основание сделать вывод о том, что украинцы в слободе Широкий Уступ сохраняли свои культурные традиции, находясь в близком соседстве с русскими. Объединяла их религия. Однако автором описания отмечены явления, происходившие в языке и во внешнем облике украинцев. «Малороссияне утрачивают свое национальное наречие, и говор их – преимущественно смесь малороссийского с русским», – сообщает он. Эта тенденция видна и в национальном костюме: многие женщины заменяют свои плахты и чоботы на русский сарафан и башмаки. Исключением были старухи, «верные национальному наряду» [10, л. 124].

Что касается языка, то появление «смеси» украинского с русским не удивительно, ведь эти языки имеют общие корни. Изменения в одежде женщин, скорее всего, происходили отчасти под влиянием климатических

условий, отчасти – из-за особенностей психологии женщин, которые в одежде любят все новое и склонны к подражанию местной «моде».

По описанию слободы Самойловки Балашовского уезда, опубликованному Горизонтовым, и слободы Широкий Уступ Аткарского уезда, которое использовал Минх, видно, что украинцы сохраняли свои традиции. В известном сочинении Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии» представлены данные об этнической культуре украинцев, основанные на более значительном объеме источников. Все это позволяет говорить о том, что крестьяне - украинцы оказали влияние на формирование культурной среды Саратовской губернии в XIX в. Их жизненный уклад, обычаи, фольклор придавали ей черты своеобразия

Список литературы

1. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010. – 356 с.
2. Максимов, Е.К., Мезин, С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. – СПб.: Европейский дом, 2010. – 176 с.
3. Леопольдов, А.Ф. Исторический очерк Саратовского края. – М., 1848. – 195 с.
4. Хованский, Н.Ф. Очерки истории г. Саратова и Саратовской губернии Н.Ф. Хованского. – Саратов, 1884. – 235 с.
5. Костомаров, Н.И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Составлена при саратовском губернском правлении. – Саратов, 1858. – С. 1-55.
6. Гераклитов, А.А. Учреждение в Саратове соляного комиссарства (1747 г.) // Труды СУАК. – Саратов, 1911. – Вып. 28. – С. 1-37.
7. Гераклитов, А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. – Саратов, 1923. – 376 с.
8. Осипов, В.А. Саратовский край в XVIII веке: пособие для студентов исторического факультета. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 88 с.
9. Горизонтов, И.П. Слобода Самойловка (Три Остова тож) (Этнографический очерк) // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 год (Издание Статистического комитета). – Саратов, 1872. – С. 28-43.
10. ГАСО – Государственный архив Саратовской области. Ф. 407. Оп. 2. Д. 776.